

АНДРЕЙ МЕРЗЛИКИН:

**«Верующий человек –
он как разведчик
в этом мире»**

Справка: Успех Андрею Мерзликину принесла роль в фильме режиссёра Петра Буслова «Бумер». За свою карьеру, начавшуюся в середине 90-х, он сыграл более ста ролей в фильмах и сериалах и, оставаясь одним из самых любимых современных отечественных актёров, он продолжает сниматься, причём, совершенно в разных жанрах.

– Андрей, в каком возрасте вы стали регулярно ходить в храм, причащаться, исповедоваться? Что повлияло на вас?

**Андрей Мерзликин –
в фильме «Нахимовцы».**

– С детства я помню иконы, они стояли у обеих моих бабушек. По папиной линии бабушка была глубоко воцерковленным человеком, просто жила в церкви. Я тогда ничего не понимал, видел только, что она возвращалась к полудню с гостинцами, которые доставались мне – в виде дефицитных тогда ещё конфет. При этом бабушка меня не водила в храм, это всегда была какая-то тайна. Возможно, в конечном итоге это сыграло более удивительную роль в моей дальнейшей жизни. Было бы гораздо хуже, если бы она могла меня этим испугать. А вот эта тайна её воцерковленности – она меня немножко тревожила. Эти конфеты от неё были совершенно удивительными – я знал, что эти конфеты не от неё, а откуда-то *оттуда*.

Бабушка Маша... Она носила чёрное всегда, и её образ был для меня таким: она могла сказать одно слово, и это было для меня грозным словом. Ей было очень много лет, по современным меркам она была долгожительница. Дедушка уже тогда ушёл, и я общался с бабушкой. Она была одиночка: не то чтобы ей было не нужно общение с внуками – конечно, она рада была нас видеть, – просто это проявлялось не так, как мы привыкли. Это было не сюсюканье, не желание погладить по головке. И на моей памяти только один диалог у нас случился, и он был фактически накануне её ухода.

Она сидела в саду, был июнь. Начало каникул, только окончилось весеннее цветение... Бабушка сидела в самом углу сада. Я даже не знал, что я там её встречу, я просто прогуливался. Бабушка ничего не делала

по хозяйству, она просто сидела покойно на травке, сложив руки. Тогда у людей были другие руки, не так, как у нас сейчас у городских. Я даже лица её так не помню, как помню руки – дедушки и бабушки, потому что они были удивительно харизматичные. Вся их биография, вся история этих людей была у них на их руках. И я подсел к ней и стал рассматривать её руки, а она взяла мои руки в свои. И мы стали говорить о руках. И она тогда сказала мне свое видение, что у меня будет впереди. Я, к сожалению, не могу им поделиться, потому что это слишком личное. Но то, что она сказала, глядя мои руки и мои вены, меня вдохновило тогда на всю жизнь. Она сказала очень важные слова для жизни. И я очень уверенно живу теперь. Живу этими словами. И вскоре она ушла.

А вторая бабушка, Аня, по маминой стороне – с ней было детство, связанное с веселостью, с лихостью. Бабушка Маша жила в Воронежской области, а Аня – в Вологодской, и когда я туда приезжал, там было настоящее шумное детство – много двоюродных сестер и братьев. И в

Фото: <https://muzhyazheny.ru/womans/zhenya-andreya-merzlikina>

этом доме тоже стояли иконы, о которых мы спокойно разговаривали. С другой стороны, о воцерковленности бабушки я ничего не знал, не знал, когда они ходят в храм. И молитва её была тайной – ночью, когда мы уже спали, или рано утром, когда мы ещё не проснулись.

Да, иконы были во многих домах, и многие в ту эпоху верили «на всякий случай». Но на самом деле это было время, когда наша великая культура ещё не могла погибнуть. 70 лет, как бы ни пугали, – это ещё не тот период, за который можно было погубить то достояние, которое старцы нам передали. Какой бы могучей ни была рука власти, её размах. Но мы, слава Богу, устояли и пришли к вере косвенными путями. И в данном случае акт передачи знаний произошёл не вербальным путем – из уст в уста, – и даже не то чтобы мы что-то видели и слышали – но простые иконы, которые были, они после смерти бабушек перешли в наши квартиры, и я их видел с детства, и это во многом повлияло на тот период, когда я уже в сознательном возрасте стал искать путь к храму.

– Как вы начали ходить в храм?

– Сначала я был захожанином, как это сейчас называется. На Пасху мы ходили всей семьей, но только на крестный ход. Он впечатлял тем, что много людей идут со свечами. Конечно же, в то время, когда не было такой иллюминации, как сейчас, обилие свечей поражало, и все ходили именно за этим впечатлением. Храмов было мало: был храм в Тарасовке (это конец 1980-х), где собиралось очень много людей, и потом свечи оставляли на заборах, везде, где можно было их закрепить, и они продолжали гореть. В храм мы только заходили – посмотреть, что там

такое. Так что тогда для нас это был просто очередной праздник, когда мы могли собраться вместе и повеселиться.

А по-настоящему серьёзно это произошло, когда у меня стали появляться первые осознаваемые грехи. Я человек очень искренний, у меня никогда не было секретов от родителей. Но в какой-то момент я начал сталкиваться с удивительными вещами, о которых не мог сказать друзьям и точно не мог признаться родителям. И это новое состояние росло и копилось, я не знал, что с этим делать. При своей открытости я не мог понять, с кем я мог бы этим поделиться. Моя мама ездила в Троице-Сергиеву Лавру. Для неё это было нормальным, но она ездила сама, одна.

Я услышал, что там проходит исповедь. Какое-то зерно попало в душу, и однажды я тайком поехал туда один на электричке, попал в эту обитель и получил следующий опыт: это не место, связанное с моими хотениями, желаниями. Пришёл бы я или не пришёл – это такой огромный корабль, который прекрасно движется вперед и без меня. Я это понял чуть позже, а тогда у меня были такие мысли, что там как поликлиника: я пришёл, у меня болит, тут регистратура и меня должны обслужить. (Смеётся.) А то, что, образно говоря, при входе надо ноги вытирать, то есть существует целая культура, которую я ещё не знаю, и лезть напролом не надо, – мне это в голову не приходило.

Отстояв большую очередь – совершив, как мне казалось, маленький, но подвиг, – я попал на исповедь. Конечно, священник, к которому я попал, был со мной достаточно строг. Это были не такие времена, как сейчас, когда прихожан гладят по голове и радуются, что ты, слава Богу, хотя бы захотел зайти в храм, то есть когда поощряется уже само твое желание прийти. Тогда ещё была своеобразная система защиты – боялись, что могут зайти очень «другие» люди. И не то чтобы они испугались меня, просто была культура, которую они хранили, и эта культура была достаточно сурова – как моя бабушка Маша. И я со своими болячками, возможно, был тогда прекрасен. Но я был в храме в первый раз, и ряд вопросов, которые мне задали – как готовился, что делал, когда в последний раз причащался, – меня обидел. Я воспринял это так:

А. Мерзликин - в фильме «Качели».

вот я такой хороший, у меня болит, а мне сказали – идите домой и готовьтесь. Когда-то, в интервью журналу «Фома», я назвал это громким словом «прогнали», получился такой чересчур громкий заголовок. Конечно, меня никто никогда не прогонял. Но для меня это было как удар. Внутренние ощущения были такие, словно меня

исторгли. Я бежал из монастыря, у меня было чувство гнева, обиды. Мне не стало легче, мне стало тяжелее. Я сильно так обиделся. (Смеётся.)

Прошло чуть меньше года, и на Рождество произошло чудо. Я пошёл просто сопровождать маму на рождественскую всенощную. Ночь, поздно

– а мы жили в посёлке, и надо было идти через лес. Мама попросила её сопровождать, и я просто стоял в храме в сторонке – у меня не было отторжения от храма, но на эту службу я пришёл просто как сопровождающий.

Это было чудо, потому что когда я чего-то хотел и пришел в храм, я этого не получил, а когда пришёл во второй раз, на Рождество, мне ничего было не нужно, и со мной произошло то, к чему я оказался по факту готов. Та исповедь оказалась самой запоминающейся из всех, что были в жизни. Служивший в том храме батюшка, по какой-то только для него понятной причине, позвал из толпы меня одного. Сказал: «Что ты там стоишь вдалеке, подходи ко мне». Я ответил, уже имея опыт: «Я не знаю, что делать, я не готовился», – сказал так обиженно: я, мол, не готов, я не знаю, я ничего не делал. А он: «Ничего не надо, давай я за тебя буду говорить». И он начал за меня говорить. И все пробки, которые у меня были, буквально все, выскочили: было много слёз, ощущения понимания.

В какой-то момент я даже задыхался, потому что не мог сформулировать уже ничего – настолько меня поразило то, что он про меня не то что знает, но угадывает, все то, что к моему возрасту меня могло глушить и мучить изнутри. И он точно попадал. Потому это была самая первая, запоминающаяся, чистая исповедь и потом причастие. И после службы мы с батюшкой поговорили. Круг как бы замкнулся – в первый раз я ломился, и мне сказали «идите». А когда я уже не стучался, мне открылись двери, и я вошёл туда, откуда сложно выйти.

Метафизически это было очень точно и правильно. Тогда мне это было непонятно, а сейчас ясно – это был путь одновременно долгий и простой. И, воспитывая своих детей, я стараюсь, пытаюсь

помнить именно об этом – наблюдая, как не очень хорошо сказывается тяжёлое воцерковление, когда детям навязывают определенный путь.

– Хорошо, что ваши мама и бабушка давали вам свободу, не навязывая ничего. Вы сами чувствовали, что у них есть эта религиозная жизнь.

– Да, как это и было раньше, и, как многие говорят, должно быть – чтобы люди крестились и выбирали веру во взрослом возрасте. Но так как мы живём в более страшное время, чем наши предки, конечно, крестить детей надо вовремя, по рождении, чтобы молиться можно было за них, а со временем они приобретут собственную веру. Конечно, детей надо воспитывать, но и позволить им самим потом воцерковиться.

– То есть избегать того, что можно было бы назвать насилием?

– Это даже не кажется насилием, родители чувствуют себя вполне прекрасно, им кажется, что они очень благие. Но только эта благость сталкивается с чудовищным антагонизмом потом, в подростковом

Кадр из фильма «Брестская крепость».

возрасте. И нужно помнить, что ребёнок все равно будет отталкивать всё, что родители ему дают, и особенно то, что навязывают, – это и есть период подросткового максимализма. Потому не надо связывать свою личную веру и своё воспитание. Чтобы, когда придет период, когда дети будут тебя отталкивать, они не оттолкнули бы и веру. Вера должна остаться тем связующим звеном, которым ребенок вправе пользоваться, – и он видит, что и ты пользуешься.

Есть неофитство, есть период ознакомления и следующий этап, когда мы несём крест и должны жить как христиане. Этот путь бесконечен – как и в творчестве, пределов нет. Вера – это дар Божий. Я глубоко убежден, что мало людей сподобляются его, а те, кто сподобился глубокой веры, – как правило, лики их написаны на иконах.

– Читаете ли Евангелие с детьми? Ходите ли вместе в храм?

«Борис Годунов» (2018), кадр из фильма: Сергей Безруков — Борис Годунов, опричник, боярин, царь всея Руси, Андрей Мерзликин — Василий Шуйский, князь, впоследствии царь всея Руси. <https://merzlikin.ru/boris-godunov-film/>

– Конечно, какие-то церковные традиции становятся семейными. И без них уже не можешь что-то делать. Это вошло в мою жизнь, а потом – в жизнь моих детей. Фёдор – старший – наблюдал мои попытки. Для супруги я не могу стать образцом христианина и убедить своим примером. Она может наблюдать только то, как я, часто с ошибками, двигаюсь в этом направлении. Больше шансов, что она, как

и окружающие, укажет на мою нехристианскую сторону, и будет в этом абсолютно права. А можно постараться увидеть те 10% моих попыток, тех принципов, которые я стараюсь соблюдать, и исходя из них построить свой брак. И она услышала именно эти слова. Теперь это то, к чему мы стремимся вместе.

В нашей семье стало очень важным слышать друг друга, уметь договариваться, и для нас церковные традиции становятся зачастую главнее каких-то родственных. Но так случилось, что родственники стали притягиваться к нашим традициям, так что нам с этим повезло.

Как-то однажды мой батюшка сказал, что так здорово, когда в храме стоят и родители, и их дети, и родители родителей, двоюродные братья и сестры. И все они у одного батюшки исповедуются. Тогда у батюшки появляется знание не только о тебе, твоей супруге, твоих детях, но и о твоих близких, он понимает твою природу, откуда ты вырос. Правда, это не так часто бывает, но нам повезло. Мой батюшка знает мою сестру, мужа моей сестры, наших родителей, и, получается, он нас поддерживает. Мы многое друг о друге узнаём, он может разрешить очень важные семейные ситуации и проблемы, помочь. Причем он с каждым из нас

ведёт себя абсолютно по-разному. С кем-то строго, а кого-то надо гладить по голове.

За трапезой, если меня нет дома, молитву читает супруга. Сейчас уже Фёдор читает молитву девочкам, сёстрам, как старший. Молитвы они знают, потому что с рождения слушали их вместо колыбельной. Сейчас всё просто: я только начинаю читать – они засыпают. Более того, у них есть любимые моменты. Вот, например, Серафима – видимо, в силу того, что у неё такое имя – просит, чтобы я ей пел «Честнейшую херувим».

«Осанна» (2018 г.). Документальный фильм о жизни одной из самых знаменитых святых XX века - вел. кн. Елизаветы Федоровны, сестры последней русской императрицы.

Александр Михайлов - светлый рассказчик, Андрей Мерзликин - тёмный рассказчик. Источник: <https://ruskino.ru/mov/21028>

В результате я наблюдаю вещи, очень меня радующие, и вместе с тем понимаю, что моей заслуги в этом - ноль. Например, у детей уходят страхи и паника. Я знал, что Фёдор боится ездить в лифте. А тут замечаю: заходит, встал в уголок, наложил на себя крестное знамение и спокойно поехал. Однажды, когда ему было 4 года, я даже смеялся: увидел, как он с двух рук крестится. Последний раз я такое видел на чёрно-белой хронике 43-го года: там матушка провожала сына на фронт. Это, конечно, произвело на меня впечатление.

Но больше ничего такого у нас в семье нет. Потому что отрицательный опыт некоторых знакомых родителей меня напугал в своё время.

Свобода выбора есть. Правда, «жёсткая» свобода выбора – даётся ровно один шанс. Если ты утром выбираешь, например, что надеть, – выбрал один раз, потом передумал, потом опять передумал, то это

Для неё это любимая колыбельная.

Потом, мы читаем вслух Евангелие для детей. Мы не беремся трактовать. Если есть какие-то вопросы, мы по-детски пытаемся отвечать. Всё. Дальше мы слушаем в машине их рассуждения. Ну это просто до слёз. Как они видят историю Древнего Египта, очень порой бывает забавно. (Смеётся.)

Еще канон Андрея Критского (читается в храмах в первые дни великого поста – прим. ред.). Иногда, если в храм не успели, этот канон можно почитать дома. И каждый при этом может заниматься своим делом, особенно маленькие. Только одно условие: не мешайте папе читать вслух.

Ну и главное наше правило – следить за собой. Показывать всё на своем примере. Важнее, если они застанут тебя в молитвенном состоянии, а не если ты им говоришь, что нужно молиться.

пресекается жёстко. Или я говорю детям: пойдёте со мной в храм? Девочки с радостью соглашаются, Федя говорит: я не пойду. Пожалуйста, свобода выбора. Никто никого не заставляет. Не пошёл один раз, второй, видит, что все без него ходят, – в следующий раз его выбор был другим.

Постепенно становятся привычными, входят в жизнь простые вещи – например, перекрестить еду. Федя приходит из школы и спрашивает: «А почему другие не крестятся?» Тут я ему пытаюсь объяснить, чем церковь отличается от школы, говорю, что для каждого это личное дело. «Почему другие не крестятся?» – «Потому, что не все знают, а ты уже знаешь. Ты у нас как секретный разведчик. То, что ты уже знаешь, – это тайна».

– По поводу вашего служения в алтаре. Когда это началось и что это для вас значит?

– Я помогаю алтарничать. Так случилось, у меня 10 лет уже есть духовник, со временем батюшке хотелось авансом давать мне всё больше и больше. Я человек эмоциональный, и он почувствовал, что, когда мне что-то авансом даётся, мне хочется это «отрабатывать». Во время послушания я приобрел очень глубокие отношения со своей будущей супругой. Когда встретил

А. Мерзликин с супругой Анной и детьми.

Фото: <https://fotocom.ru>

Аню, я не понимал, что со мной происходит. Стоял на пороге серьёзного предложения... Но решиться мне помог совет моего батюшки, который просто посоветовал пригласить её на службу. И уже после первого с ней знакомства, после первой её исповеди он благословил меня на обручение! Я сделал ей предложение о венчании сразу после послушания. Это тот «аванс», когда ты испытываешь огромное счастье брака, счастье, когда у вас рождаются «венчанные» дети.

Когда батюшка впервые завёл меня в алтарную зону, это, конечно, трудно передать. Ты - на небесах. Трепещет всё. Сложно это передать – ты волнуешься, и только думаешь, как бы чего не уронить, не зацепить. Главное – понять, чего не нужно делать, а потом уже – что нужно.

Начинается всё с того, что ты молишься. Потом читаешь записки, потом разжигаешь кадило, потом со свечой выходишь, и так постепенно, постепенно... Через алтарное служение ко мне пришло настоящее понимание литургии. Да: когда я увидел изнутри, из чего состоит это общее дело, таинство – почувствовал, как оно происходит. Оно происходит внутри сердца, друг через друга. Ты ощущаешь, как оно объединяет всех людей, тут стоящих.

В силу занятости из-за своей профессии не могу сказать, что я служу алтарником, у меня нет возможности быть в храме каждую неделю. Но как только появилось окно, у меня нет права пропустить службу.

Знание литургии открыло мне любовь к моей профессии, это

удивительное чудо, которое со мной произошло. Я не хочу это сравнивать, но очень много взаимосвязанных вещей. И вообще я понял, что через познание Бога ты открываешь путь к Творчеству. Жизнь – это творческий акт. И самым главным творцом является Господь.

– Есть ли какие-то фильмы и книги, которые вам помогли, как-то повлияли на вас?

На Богослужениях А. Мерзликин подвизается в качестве алтарника.

http://www.logoslovo.ru/media/pic_full/20/63114.jpg

в Петербурге, человек высокой даровитости, умеет «правильно» читать. Учит меня избирательности. Это если говорить о светской литературе. Плюс церковные книги, которые даёт мне батюшка. Вот от него, к примеру, сейчас мы читаем книгу «Святогорец», автор – инок Всеволод. И, конечно же, святоотеческие книги, например, последнее, авва Дорофей.

Последний роман, который произвел на меня впечатление, – это «Обитель» Захара Прилепина. У Прилепина «золотая середина» выдержана на высочайшем уровне. Может быть и нет догматической правды, но то как в сложных жизненных испытаниях люди спасаются друг через друга, становятся полезными друг другу, метафизичность образов – заставляет восхищаться и осознавать, что мы живём во времена большого Писателя. Думаю, что современники Толстого тоже не осознавали, что живут во времена великого Толстого. Кстати говоря, у Прилепина такая же яркая публицистика, как и у Толстого.

Еще одна книга-событие – роман Евгения Водолазкина «Лавр», который невозможно переоценить. Эти два больших романа года определили для меня как бы экватор. Я был более пессимистичен по отношению к нашей литературе, но сегодня у меня чувство ренессанса...

Я редко, но подолгу слушаю профессора А.И. Осипова. Его объяснение 10 заповедей как технической характеристики «нормального» человека – нормальности, а не святости – глубоко меня отрезвило. Выполнять заповеди – это наш шанс стать просто хорошими людьми. Это важно понимать. Образное сравнение с простым холодильником: если будешь соблюдать все правила, которых требуют технические характеристики, холодильник будет служить не только гарантийный срок, но и будет радовать вас своим долгожительством. И лучше не экспериментировать, а поверить на слово. Источник: сайт «Рублев», <https://azbyka.ru/way/andrej-merzlikin-verujushhij-chelovek-on-kak-razvedchik-v-jetom-mire/>

Ещё больше интересных статей см. на сайте:

<https://небесный-дом.рф> (или: <https://nebesniydom.ru>).